

УДК 639.1.055

В.А. Бриних

Институт региональных биологических исследований, Майкоп, Россия

ОХОТА И ОХОТНИЧЬИ ТРАДИЦИИ АДЫГОВ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЭКОЛОГО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются историко-культурные и эколого-этические аспекты формирования взаимоотношений человека и природы на примере занятия охотой представителей одного из коренных этносов Кавказа – адыгов (адыгэ). Рассматриваются сформированные веками исторического развития самоограничения адыгов, направленные на сохранение и приумножение охотничьих ресурсов, сохранения среды их обитания, а также эволюция охоты как одного из видов жизнедеятельности адыгов в условиях разрушения самоизоляции адыгских племен в период XVIII-XIX веков.

Ключевые слова: адыги, мифы, божества, Мэзитх, священные роци, охота, дичь, охотничий язык, охотничьи традиции, хабзэ.

Данное исследование ограничивается историческим периодом до середины XIX века, так как в более поздний период воздействие западной цивилизации и тотальное влияние Российской империи существенным образом разрушило традиционный общественный и социально-экономический уклад жизни адыгов, оказало огромное влияние на их быт, культуру и обычаи, фактически переведя взаимоотношения горцев с природой из эколого-этической на материально-денежную шкалу ценностей.

Многие века горские племена Кавказа жили, не выделяясь из природы, а сливаясь, можно сказать, растворяясь в ней. Городов в стране адыгов не было вообще, а селения представляли собой разбросанные на большой площади одиночные жилища или небольшие их группы, надежно укрытые в лесных зарослях. Лес служил убежищем в случае нападения врага, а также защищал летом посеvy от изнуряющей жары. «В Ацесбохо я получил представление о черкесском ауле. Нет ничего более живописного, чем их жилища, разбросанные там и сям, среди деревьев – дубов, ясеней, грушевых и сливовых, прекрасных вязов, грабов, которых не тронул топор и которые освежают всё вокруг своей тенью в самый жаркий сезон» [17: С. 435]. «Черкес расчищает участок вокруг жилища для посевов проса и пшеницы, стремясь при этом сохранить вокруг своего поля полосу деревьев, чтобы они охраня-

ли его и давали прохладу, необходимую в этом климате. Даже посреди поля он оставляет несколько самых красивых отдельных деревьев. Поэтому, если смотреть с моря, нет ничего живописнее спускающихся к берегу лесистых долин с полями различных оттенков зелени. Только очень редко можно заметить скрывающиеся в листве строения» [17: С. 438-439].

Адыги не только максимально старались сохранить леса, не рубя деревья без крайней нужды, но и занимались их воспроизводством. Так, К.К. Хутиыз в своей книге «Охота у адыгов (эколого-этнографический аспект)» упомянул старинную адыгскую традицию, благодаря которой до наших дней сохранились в кавказских горах знаменитые «черкесские сады»: «Каждый мужчина, уходя по весне в лес, брал с собою два-три черенка из лучших сортов садовых деревьев, чтобы привить их к дикому сородичу» [16]. Еще одной народной природоохранной традицией адыгов можно считать обычай садить возле дома столько деревьев, сколько было срублено для его постройки. У убыхов только тот, кто посадил не меньше 50 деревьев, мог рассчитывать попасть в рай [3]. Вокруг родников и истоков горных речек и ручьев высаживалось множество деревьев для защиты от высыхания этих источников воды в летнюю жару [4].

Древние адыги считали, что весь окружающий мир и природа одухотворены, а деревья являются живыми существами [1]. Люди не отделяли себя от всего живого. Более того, в собственно адыгейских родовых фамилиях, прошедших сквозь исторические сети арабизированных форм, прослеживается существование древнейшей тотемистической (родовой) традиции, указывающей на исторически давнюю веру в родство людей с миром дикой природы. «Животные, как и человек, мыслились как существа, наделенные «духом», способностью дышать. Люди думали, что звери их слышат и понимают» [16].

Именно поэтому в период веры в божество Мэзитха охотники избегали называть охотничьих животных их собственными именами, думая, что тем самым они могут скрыть свои намерения от животных. В связи с этим сфор-

мировались особые, отличные от бытового, языки: «шэк1уабз» – охотничий язык («щак1уэ» — охотник, «бзэ» — язык), «фэрыщ1ыбзэ» (в иностранных источниках назван «форишбше») и «мэзч1эггыбз» – подлесной язык. Создавались они, чаще всего, с использованием чужеродных вставок после каждой гласной обычных адыгских слов, что делало их совершенно непонятными для тех, кто владел только обычным языком. Кроме того, объекты назывались не прямо, а образно описывая основные признаки объекта. Так, козу охотники называли не «бхан», а «ткеше» (малый короткий хвост), лошадь – не «шы», а «кепе» (быстро несущееся животное), огонь – не «маш1о, мапха», а «негхуне» (глаз света). Сохранился небольшой словарь этих языков, составленный Ю. Клапротом [6].

И.Ф. Бларамберг писал, что «два наиболее распространенных среди них (адыгов – В.Б.) жаргона – это «шакобше» и «фаршипсе». Первый из них представляется оригинальным, поскольку не имеет ничего общего с черкесским языком; по крайней мере, таково мнение Клапрота...» [2].

Разговаривать в обществе на «охотничьем» языке запрещалось, но такое правило не распространялось на черкесскую аристократию, которая сделала из тайного языка, язык элиты, дабы подчеркнуть свой социальный статус. На нем говорили черкесские князья, когда встречались между собой будь то в обществе, на княжеском совете или же в так называемом лагере всадников. Польский путешественник Ян Потоцкий описывает стан всадников как ежегодный ритуал: «Каждый черкесский князь покидает свой дом, удаляется в горы или в лес, где строит шалаш из вековых деревьев» (...) Здесь все присутствующие пребывают замаскированными, т.е. они закрывают лицо и совершенно не говорят по -черкесски; все разговоры ведутся на некоем жаргоне, который они именуют «шакобза» [11].

Швейцарский путешественник 19 века Ф. Дюбуа де Монпере описывал так данное мероприятие: «Когда собираются, при наступлении осени, со своими соучастниками, в набеги князья и дворяне, они говорят, желая утаить смысл своих речей от других, на совершенно своеобразном языке, называе-

мом ими «такобза» и не имеющем никакого сходства с черкесским, но народу не разрешают говорить на этом языке» [17].

Естественно, что у язычников, всецело зависящих от окружающей их дикой природы, не могло не быть и соответствующих божеств, олицетворяющих природные стихийные силы и покровительствующих различным видам деятельности человека. В адыгском пантеоне божеств существовал покровитель лесов и диких животных, охоты и охотников Мэзитх (Мэзытчь: мэзы – лес, Тхъэ – Бог), которому предшествовала Мэзгуащ (Мэзгуащэр: мэзы – лес, гуаще – княгиня, госпожа), вытесненная в условиях патриархата Мэзитхом. Примечательно, что имена Мэзгуащ, Мэзгуащ, Мазгаш и сейчас используются в качестве адыгских женских имен. А у абадзехов, кабардинцев и бесленеевцев Мэзитх представлен божеством женского рода. В сказаниях, записанных от адыгских сказителей в Кабарде, встречается «белая телом Мэзитха», сравниваемая с Сэтэнай-гуащэ. В нартских пщынатлях также говорится о Сэтэнай-гуащэ, которая уподобляется Мэзитхе [7]. В ряде лингвистических исследований отмечается упоминание о божестве Мэзитхэ как о существе среднего рода [15].

В некоторых источниках Мэзитх представляется с покрытыми серебром рогами, восседающим на диком вепре. Хан-Гирей писал, что «данное божество изображалось ездящим на златошетиистой свинье» [14]. Л. Лавров считал, что «рога охотничьего бога, как в другом случае златошетиистая свинья, на которой он едет, свидетельствуют, что до возникновения веры в Мэзитха существовало обожествление самого зверя, от которого зависело благосостояние охотника» [8]. В подтверждение этого можно привести свидетельства Генриха-Юлиуса Клапрота, который, рассказывая о черкесах до принятия мусульманства, упоминал, что черкесы «... употребляли в пищу свинину и особенно мясо диких кабанов, которые встречаются в их стране в большом количестве и являются главным предметом их охоты [6].

В некоторых повествованиях говорится о Чиггуаще (по адыгски – чьыг гуаще) – богине деревьев. В образе Чиггуаще отразился существовавший в

адыгской лингвокультуре культ дерева, который был порожден значительной ролью леса в жизни и хозяйственной деятельности адыгов [15].

Леса и рощи в местах поселений адыгов, вплоть до второй половины XIX века, выполняли функцию общественных святилищ и мест поклонений, на их территории проходили важные народные собрания и праздники. Они охранялись, а нанесение вреда лесу было серьезным преступлением, за которое нес ответственность не только виновный человек, но и весь его род. Так, наказанием за отрубленный сук священного дерева было лишение преступника жизни. Срубленное священное дерево влекло за собой истребление всего рода, а уничтоженная священная роща – гибель всего племени, которому она принадлежала [3].

Перед охотой древние адыги приходили к священным деревьям и просили выделить им зверей. При этом они произносили специальный хох (здравицу) в честь бога охоты и леса [15]. Со слов старика-убыха, с которым в начале XX века общался в Турции известный кавказовед А. М. Дирр, «Мезитху поручено богом смотреть за дичью. Он стережет дичь, он и дает ее. Без разрешения Мезитха охотник ничего не убьет; он может убить только то животное, которое Мезитха назначает ему» [5]. Судя по словам старика-убыха, адыги не считали Мэзитху богом, т.к. Бог Тха (адыг. *Тхъа*, *Тхъэшхо*; кабард.-черк. *Тхъэ*, *Тхъэшхуэ*) у адыгов-язычников был один. Остальные члены божественного пантеона адыгов были, можно так сказать, порученцами Бога, выполняющими божественные поручения и наделенными для этого некоторыми божественными функциями. При этом эти полубожества не были бессмертными, о чем упоминается в адыгском фольклоре, повествующем об убийстве Мэзитха охотником-человеком. Тому не понравился упрек божества в несоблюдении им правил охоты. Указание на убийство Мэзитха символизировало отход древних адыгов от уважительного отношения к природе, возвышение Человека над Природой, снижение порога страха перед возмездием природных стихийных сил. Природа, как и ее божественный покровитель, которого, оказывается, можно убить, перестала быть божественным и

вечным проявлением Жизни! Люди стали меньше зависеть от природных условий, а сама Природа стала уже мешать человеку, а не помогать ему. В итоге в адыгской мифологии появился антипод Мэзитха – лесной получеловек Мезитль или Мэзитлныко (Мэзыл1: «мэзы» – лес, «л1ы» – мужчина), который впредь уже представлял собой угрозу для всех охотников и вообще людей, входящих в лес [7]. В чем-то образ Мезитля ассоциируется с образом Лешего в русском фольклоре.

Образ покровителя леса, диких зверей и охоты представлен строгим и нетерпимым ко лжи и обману, но щедрым, доброжелательным и справедливым к достойным охотникам. Так, в адыгском фольклоре упоминается, что раз в год Мэзитх выбирал лучшего охотника нартов, отличившегося своими благородными деяниями, для участия в санопитии богов. На этом примере адыгский фольклор воспевал, прежде всего, личное мужество, удачливость, смекалку и физическую силу конкретного охотника, хоть мифического, хоть реального человека.

Адыги охотились как в одиночку, так и группами. Прямым доказательством преимущественно коллективного характера проводимых в то время охот является факт создания особых охотничьих языков. Иначе не было бы в них смысла. Охота велась при помощи загона, засады, ловчих ям, силков, сетей, железных или деревянных капканов, с борзыми собаками. Из фольклора и исторических документов известно, что адыги использовали для охоты соколов и ястребов. Охота способом травли зверей была особенно широко распространена среди господствующего класса. С XIX века на охоте начали использовать огнестрельное оружие. Охотились на туров, оленей, лисиц, зайцев, медведей, волков, фазанов, куропаток, диких уток и гусей. Следует отметить, что для князей и дворян охота, наряду с войнами и набегами, являлась основным времяпровождением. При этом они месяцами находились в своеобразных охотничьих лагерях в чисто мужской компании.

Жан Батист Тавернье, посещавший горную часть Черкесии в XVII веке, писал, что «для охоты они не пользуются ни собаками, ни птицами, но когда

собираются на нее, то 7 или 8 главных лиц селения обычно соединяются вместе. У них настолько прекрасные лошади, что в погоне за животным они утомляют его и заставляют сдаваться. Каждый держит наготове веревку с свободно двигающимся узлом, привязанную к луку седла; они настолько ловки в бросании ее на шею животного, сдающегося из-за усталости, что последнее редко ускользает от них. Убив оленя, они немедленно отрезают ему ноги, ломают кости и поедают мозг, так как считают, что нет ничего более питательного для тела» [12].

Абри де ла Мотрэ, путешествуя в начале XVIII века по предгорной части Нижней Кабарды, наоборот, отмечал распространенную в этих местах индивидуальную охоту с ловчими птицами. Причем среди охотников встречались и мужчины, и женщины: «В течение всего этого дня мы не видели по дороге ничего, кроме приятной смены полей, лугов и лесов, перерезанных несколькими невысокими горами, среди которых то здесь, то там появлялись мужчины и женщины верхом на лошадях. Некоторые из последних имели сокола на руке, другие – колчан за спиной и лук в руке вроде Диан...» [10].

С культом Мэзитха связаны определенные регламентации в организации охоты, которая сопровождалась целым комплексом культовых празднеств. Они организовывались старейшиной охотников – их тхэмадой (тхэмадэ: букв. тхэма адэ – признанный, одобренный богами). Все действия охотников основывались на признании равенства всех членов «охотничьего братства», даже тхэмады. Добычу охотники делили поровну, голову убитого животного оставляли в лесу Мэзитху. Об этом свидетельствуют черепа и рога животных вокруг священных деревьев, о которых не раз писали путешественники и миссионеры, побывавшие у адыгов в разные времена. На месте охоты поедались внутренние органы убитого животного, а шкура доставалась охотнику, поразившему зверя. Интересно, что эти древние традиции коллективной охоты сохранились и сейчас не только у адыгов, но и у других народов, в частности, у славян (распоряжается на охоте самый опытный и уважаемый охотник, на охоте все равны, мясо делится поровну, а трофей

достается добывшему зверя, на месте охоты поедаются на общем пире внутренние органы добытого зверя).

Бытующая у адыгов поговорка «К1эльэныкьошх Мэзитхьэ иджагъу» (Мэзитху негоден тот, кто съедает лишь половину) свидетельствует о выработанным веками бережливом отношении адыгов к охотничьим ресурсам. Охотник не должен убивать больше, чем нужно ему для удовлетворения своих самых необходимых для выживания потребностей.

Древние адыги считали, что нельзя стрелять в дичь белого цвета, так как верили, что в белом животном живет сам Мэзитх, внешний вид которого представлялся горцам «белоруким» и «белотелым». [7]

Отношение адыгов к природе, сформированное на протяжении многих веков древней истории адыгского народа, стало частью Адыгэ хабзэ, который представляет собой свод правовых норм, выработанных адыгами в ходе их многовековой истории. В широком смысле Хабзэ представляет собой широкий спектр социальных правил во всех без исключения областях жизнедеятельности,

Природа является творением, проявлением и живым храмом Бога. Хабзэ требует почитать Природу, уважать её и беречь. В частности, охотники должны соблюдать, помимо вышеперечисленных, следующие правила:

- Охотиться разрешается только с последней декады октября (начала месяца Шак1уэгъуэ) по февраль.

- Выходя на охоту, человек имеет право подстрелить одного бегущего по земле, одного летающего по воздуху и одного плавающего по воде представителя животного мира. Поэтому адыг брал с собой на охоту только три стрелы.

- Запрещается убивать самок, детенышей и особо красивых, крупных животных.

- При сборе фруктов и ягод на деревьях, кустарниках и под ними нужно оставить не менее одной трети фруктов и ягод для диких зверей и птиц.

Хабзэ требует помнить, что каждое поколение людей находится на Земле только временно. Поэтому Природа является не только нашей средой обитания, но и тех, кто придет после нас. Согласно Хабзэ, нужно относиться к Природе так, чтобы передать её другим поколениям сохраненной и приумноженной [13].

Как отмечают Махотлова М.А., Шауцукова Л.Х., «самое главное качество в системе «человек-природа» в традиционной культуре адыгов можно сформулировать как «сохраняющее сознание», являющееся важнейшим компонентом отношения к миру вообще. Природа в ее контексте – полноправный участник диалога. Главное при этом – уровень не «субъект-объект», а «субъект-субъект», то есть уровень признания «самости» природы...» [9].

Таким образом, в историко-культурной традиции адыгов с древних времен сформировался экосистемный взгляд на среду своего обитания, на весь окружающий мир как единое взаимосвязанное целое. Такой подход к природопользованию в полной мере отразился и в охотничьих традициях адыгов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башмаков, И. С. Экологическое значение традиционной культуры адыгов / И. С. Башмаков // Международный научно-исследовательский журнал. - 2015. - №7 (38) Часть 4. - С. 100-102. [Электронный ресурс] / И. С. Башмаков. 2015. Режим доступа: <https://research-journal.org/social/17123/> (дата обращения: 24.02.2018).
2. Бларамберг, И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / И. Ф. Бларамберг // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. - Нальчик: Эльбрус, 1974. - С. 353-434.
3. Ворошилов, В. И. История убыхов. (Очерки истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX века) / В. И. Ворошилов. - Майкоп: ОАО «Афиша», 2006. - 372 с.
4. Гарданов, В. К. Земледелие у адыгов в XVIII – первой половине XIX века. - С. 76. [Электронный ресурс] / В. К. Гарданов. Режим доступа: <http://journal.iea.ras.ru/archive/1960s/1965/Gardanovpdf> (дата обращения 15.07.2015).
5. Дирр, А. М. Божества охоты и охотничий язык у кавказцев / А. М. Дирр. - СМОМПК. - Тифлис, 1915. - Вып. 44, отд. 4. - С. 4-5.

6. Клапрот, Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. / Г. Ю. Клапрот // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. - С. 235-280.

7. Куёк, А. С. Образ мифологического божества Мэзитха в мифологии и эпических сказаниях адыгов / А. С. Куёк // Вестник Адыгейского государственного университета. - Серия 2: Филология и искусствоведение. - 2013. - №1 (114). [Электронный ресурс] / А. С. Куёк. 2013. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mifologicheskogo-bozhestva-mezitha-v-mifologii-i-epicheskikh-skazaniyah-adygov> (дата обращения: 24.02.2018).

8. Лавров, Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев: исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований / Л. И. Лавров // Труды института этнографии им. В.И. Миклухо-Маклая. - Т. 1. - М., 1959. - С. 121.

9. Махотлова, М. А. Рукотворный ландшафт в адыгской культурной системе / М. А. Махотлова, Л. Х. Шауцукова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. - 2010. - № 2. - С. 92.

10. Мотрэ, А. Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку / А. Мотрэ // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. - Нальчик: Эльбрус, 1974. - С. 119-147.

11. Потоцкий, Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи / Я. Потоцкий // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. - Нальчик: Эльбрус, 1974. - С. 225-234.

12. Тавернье, Ж. Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет, с особыми заметками об особенностях религии, управлении, обычаях, торговле каждой из этих стран вместе с мерами, весами и стоимостью обращающихся денег / Ж. Б. Тавернье // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. - Нальчик: Эльбрус, 1974. - С. 73-81.

13. Хабзэ. Отношение человека к природе. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://adygi.ru/index.php?newsid=11996> (дата обращения: 24.02.2018).

14. Хан-Гирей, С. Записки о Черкесии / Вступ. ст. и подг. текста к печ. В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова / С. Хан-Гирей. - Нальчик: Эльбрус, 1992. - 345 с.

15. Хут, М. Р. Экспликация ментальных характеристик этноса в тексте билингвальной языковой личности / М. Р. Хут // Вестник Майкопского государственного технологического университета. - Майкоп. - В. 4. - 2013. - С. 53-59.

16. Хутыз, К. К. Охота у адыгов (Эколого-этнографический аспект). Книга I / К. К. Хутыз. – Майкоп, 2001.

17. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым / Фредерик Дюбуа де Монпере // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. - Нальчик: Эльбрус, 1974. - С. 435-457.

*V.A. Brinikh**Institute of regional biological researches, Maykop, Russia*

HUNTING AND HUNTING TRADITIONS OF THE CIRCASSIANS TO THE TWENTIETH CENTURY: HISTORICAL, CULTURAL AND ECOLOGICAL AND ETHICAL ASPECTS

The article discusses the cultural and historical, ecological and ethical aspects of the relationship between man and nature on the example of the hunting sport of representatives of indigenous ethnic groups of the Caucasus – Circassians (Adyghe). Considered generated by centuries of historical development of self-restraint of the Circassians to the preservation and enhancement of the hunting resources, preservation of their habitat, as well as the evolution of hunting as one of the types of life of the Circassians in terms of destruction of isolation of the Adyghe tribes in the period of XVIII-XIX centuries.

Key words: adygi, myths, deities, Mezitha, sacred groves, hunting, game, hunting language, hunting traditions, habze.

Поступила в редакцию 25 февраля 2018

УДК 397.4

*Ю.А. Слепцов**Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия*

ОХОТА ЮКАГИРОВ АЛЛАЙХИ НА ПЕСЦОВ (ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ)

В архивном материале рассказывается охота юкагиров на песцов в низовье реки Индигирка.

Ключевые слова: юкагиры, охота, песец, ловушка, собака, яд.

В низовье реки Индигирки в старину юкагиры традиционно занимались: 1) охотой; 2) рыболовством; 3) охотой на птиц; 4) домашним оленеводством. Из четырех занятий наибольший доход приносили оленеводство и охота. Рыболовство и охота на птиц были пассивным способом добычи.

Из охоты особо необходимо выделить добычу пушнины. В основном охотились на песца, редко добывали лисицу и горностая. Охотились в меру на волков и зайцев. На горностая и белку охотились крайне редко, по двум причинам: малочисленность и мизерная цена на мех.

Песца добывали с помощью пасти (пасть – ловушка для пушных зверей авт.) («сохсо» – по якутски) и собаки. Ядом пользовались, когда песец залезал в нору. Не так давно начали использовать капканы, лет тридцать назад.